

МЕТОДОЛОГИЯ

*М.А. ШИШКИН***Биологическая эволюция
и природа нравственности**

Проблемы этики достаточно далеки от области моих профессиональных занятий. Я палеонтолог, то есть предмет моих интересов составляет эволюция организмов и связанные с ней аспекты геологической истории. Однако загадка "нравственного закона внутри нас" – один из тех вечных вопросов, которые волнуют людей независимо от их профессии, образования и культурных традиций.

Для людей науки интерес к природе нравственности обусловлен и другой причиной. Процесс познания – прежде всего установление взаимосвязей между внешне несходными явлениями, в результате чего становится возможно описывать их на одном языке. Чем выше уровень обобщения, тем больший круг явлений оно объясняет и тем больше из него следует содержательных дедукций, выходящих за пределы собственно предмета изучения. Вообще говоря, концептуальное восприятие мира – вовсе не прерогатива науки. Для любого человека, осознает он это или нет (чаще нет), весь доступный ему опыт оценивается в рамках специфичной для него системы представлений – отчасти унаследованной, отчасти сложившейся в ходе его жизни. Тем более это верно для профессиональной деятельности ученого (А. Любищев говорил, что теории никогда не строятся из фактов, но наоборот, факты получают освещение в свете теории [Любищев, 1925]). И потому внимание специалиста, выработавшего более или менее непротиворечивую систему взглядов в своей области, всегда избирательно. Обращаясь к осмыслению любых феноменов, даже не относящихся к этой области, он в первую очередь невольно отмечает все то, в чем угадываются уже знакомые ему закономерности, например обнаруживает очевидные параллели в структуре, поведении (механизме персистирования) и способе эволюции живых организмов и человеческих сообществ. Из этого напрашиваются и столь же очевидные выводы в отношении природы нравственности – если описывать ее на уровне, позволяющем объединить оба названных класса явлений.

Идея такого сопоставления, известная еще с античных времен, получила наиболее полное развитие у Г. Спенсера. Но речь пойдет не об аналогиях знаменитого натурфилософа, хотя то, что собственно о нравственности будет сказано ниже, выглядит как формализация некоторых главных его обобщений, проведенных на независимой основе. Я также не имею в виду биологической преемственности между организмами и обществом. Важно иное. В обоих случаях представлены эволюирующие открытые системы, и их поведение в наиболее общих характеристиках по определению одинаково. Оценка биологической эволюции в категориях системного под-

хода вытекает из эпигенетической теории, заложенной в своих основах И. Шмальгаузен [1968; 1982] и К. Уоддингтоном [Waddington, 1957]. Согласно этой концепции, историческое изменение организмов рассматривается как целостное (системное) преобразование их онтогенеза на основе стабилизирующего отбора.

Особенностью систем является их устойчивость, то есть способность к саморегуляции. Соответственно, их поведение целенаправленно (телеономично) и описывается в финалистических терминах. Идет ли речь о законе сообщающихся сосудов, или о динамике химических реакций, описываемой принципом Ле Шателье, или об онтогенетическом развитии организма, – суть такого описания сводится к тому, что возмущение в системе вызывает в ней процессы, направленные на его погашение и восстановление равновесия: по словам У. Эшби, "система управляется своей ошибкой" через внутренние обратные связи [Эшби, 1962]. Для живых индивидуумов конечное равновесное состояние, то есть "цель" самокоррекции – их стандартная морфофизиологическая организация, или адаптивная норма, обеспечивающая их наибольшую жизнеспособность. В помехоустойчивости этой нормы и состоит загадочная целесообразность живых существ. Для общественной системы ключевая характеристика равновесия столь же очевидна. Это – минимум внутренних конфликтов (возмущений), достижимый при данном ее устройстве, иначе говоря, это максимально возможное приближение к тому состоянию, которое правители, независимо от сути их деятельности, обычно провозглашают целью своего правления (благоденствие народа и общества).

Другое существенное свойство систем – их иерархическая структура, в которой характеристики целого несводимы к свойствам составляющих частей. Изменения разных уровней системы имеют разный временной масштаб: для целого они происходят медленно и обычно дискретно, на низших уровнях – быстро и непрерывно. Соответственно, их отношения не имеют характера линейной зависимости. Детерминация свойств системы осуществляется при неопределенном состоянии ее элементов; последние определены лишь статистически ("нормированы", по А. Гурвичу [1944]) в пределах, допускающих поддержание целостных параметров. Таким образом, устойчивое состояние системы всегда эквифинально по отношению ко множеству возможных комбинаций ее элементов.

Таковы, в частности, соотношения организма и составляющих его клеток. Время существования большинства клеток эфемерно, но их непрерывное обновление не меняет основ организации целого. Еще более впечатляют эти соотношения в развивающемся зачатке, например в корешке или листе растения. Пространственная неупорядоченность клеточных делений внутри зачатка как бы вписана в предопределенную симметрию целого и подчинена ей, подтверждая заключение Аристотеля, что целое возникает раньше своих частей. (В сравнительной эмбриологии это правило известно как закон Бэра.)

То же мы видим и в "социальных организмах". Жизненные пути составляющих их индивидуумов непредсказуемы, как и варианты образования ими родительских пар. У последних столь же случайны комбинации гамет, дающие начало следующему поколению. И весь этот видимый хаос лежит в основе целостных характеристик социума – его структуры, языка, культурных традиций, менталитета и т.д. Они предстают неизблемыми и вечными по отношению к жизни конкретного человека. Поэтому мироощущение личности всегда складывается из двух реальностей. Одна из них – мир непосредственного жизненного опыта, где доминирует линейная причинность и где прямые результаты действий с достаточной вероятностью предсказуемы. Другая – мир неких общих законов, действующих как бы независимо от воли и поступков индивидуума. При этом усваиваемый им коллективный опыт поколений, а отчасти и собственный, говорят ему, что все происходящее в жизни каким-то образом регулируется этими законами, пусть и в иных масштабах времени, чем человеческий век; и если только общество не гибнет, то мера зла и несправедливости в нем не растет бесконечно. Она периодически возвращается к какому-то исходному уровню – путем социальных взрывов, естественной смены правителей или как-то иначе ("нет ничего нового

под солнцем"). Эта саморегуляция ощущается как некая высшая разумная сила, хотя и нечасто приносящая утешение отдельному человеку, но неотвратимо действующая в мире на коллективном уровне.

Таким образом, *системный характер законов, управляющих обществом, воспринимается как незримое присутствие над всеми его членами высшего регулирующего контроля, называемого ими Богом или роком*. Именно здесь лежит основа универсального нравственного начала, из которой далее постепенно вырастают собственно внутренние этические нормы.

Регулятивные процессы, возникающие в ответ на сигнал о нарушении внутреннего равновесия, неизбежно затрагивают все уровни системы. Но поскольку поведение ее элементов по отношению к целому контролируется лишь статистически и оценивается в общем случае только по итоговому результату их взаимодействия, каждый отдельный элемент низшего уровня располагает, казалось бы, неограниченной свободой поведения. Иначе говоря, индивидuum, на первый взгляд, может поступать почти как угодно без последствий для судьбы общества. Однако это верно только до известного предела. Ворами и убийцами могут быть десятки и тысячи, но далеко не все поголовно. Рост их доли в общей численности приближает социум к критическому порогу. В более или менее устойчивом ("здоровом") обществе саморегуляция через обратные связи начинается задолго до достижения этого предела, и осознание того рода системных ограничений, несмотря на их опосредованность, постоянно воздействует на человека через личный и коллективный опыт.

Степень этой опосредованности также бывает различна. Общество складывается из относительно устойчивых взаимодействующих блоков (подсистем), каждый со своим собственным равновесием. Это различные профессиональные и социальные группы вплоть до отдельной семьи, к которым неизбежно принадлежит любой индивидuum. Специфика равновесия каждой из данных групп объективно определяет и особенности ее саморегуляции, то есть оптимальные модели взаимного поведения членов. Некоторые из таких норм могут, конечно, сильно отличаться от общих для социума, но в главном их спектры совпадают. Периоды релаксации возмущений в таких подсистемах обычно меньше, чем для общества в целом, то есть обратные связи действуют быстрее, эффективнее и более наглядным для человека образом. Так, коммерсант знает, что нет смысла обманывать своих постоянных партнеров, ибо сиюминутная выгода оборачивается конечным проигрышем. В сумме однотипные регулятивные сигналы такого рода постоянно доходят до индивидуума с разных иерархических уровней социальной организации, складываясь в ощущение неких универсальных ограничений, а в конечной перспективе – нравственных норм.

Регулятивный характер этих норм отчетливо виден и там, где они рассматриваются как Божьи заповеди. В Новом Завете он подчеркнут во всех тех наставлениях, смысл которых может быть легко постигнут человеком из собственного положительного опыта: "И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними... Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам... ибо, какою мерою мерите, такою же отмерится и вам" (Лк. 6, 31, 37, 38).

Упомянутая выше раздвоенность мироощущения – постоянный источник внутренних конфликтов человека. Его непосредственный опыт, описываемый в понятиях каузальности, говорит, что в принципе можно руководствоваться в своих действиях исключительно собственными интересами – если это не связано с особым риском. Но воздействие системных законов диктует противоположное. Соотношение между "линейно-каузальной" и "системной" мотивациями поведения очень индивидуально и выливается в ту или иную попытку компромисса между ними. Еще более зыбкими оказываются критерии оценки человеком самого себя в этом контексте. Порог, отделяющий душевное спокойствие от резкого дискомфорта, вызываемого сознанием нарушения системных ограничений, часто крайне неустойчив и может быть преодолен в условиях стресса, сильных эмоций или иных пограничных состояний. То, что

всю жизнь оставалось почти абстракцией, вдруг (и иногда лишь ненадолго) может стать абсолютной доминантой самооценки. Такой драматический сдвиг в самовосприятии личности зарисован Н. Некрасовым в эпилоге поэмы "Современники". (Эта реакция сугубо индивидуальна и потому может казаться загадочной тем, кто ее случайно наблюдает.) Другой пример, уже типичный, – чувство приближения смерти как осознание необходимости покаяния и примирения.

Незримое присутствие моральных установлений проявляется и там, где их менее всего соблюдают. Из многих горьких наблюдений, оставленных нам моралистами прошлого, следует, что в основе поступков людей чаще всего лежат своекорыстие и тщеславие. Но показательно, что мотивы этих поступков неизменно облекаются в форму высоконравственных побуждений, иначе говоря, "лицемерие – это дань уважения, которую порок платит добродетели" [Ларошфуко, 1971, с. 167]. Никто не может позволить себе сколько-нибудь долго не демонстрировать хотя бы формального пиетета перед требованиями морали. Политики, открыто нарушающие эти требования в своих программных установках, – обычно новички, не связанные исторической преемственностью. Наблюдая их социальные эксперименты, можно заранее предсказать, что результаты последних будут со временем отрегулированы в сторону нормы, а сами они (или их преемники) станут отрешиваться от своих первоначальных заявлений. Так было и с большевизмом, заменившим общечеловеческую справедливость классовой, и с некоторыми ведущими "демократиями" ельцинской эпохи, вообще отменившими понятие социальной справедливости.

Итак, *моральные нормы суть выражение регулятивных реакций общественной системы, обеспечивающих ее устойчивость, то есть способность к самоподдержанию (и следовательно, выживанию)*. Историческое совершенствование этой регуляции означает гармонизацию взаимодействий на разных уровнях системы. На межличностном уровне она выражается в возрастающей предрасположенности людей к справедливым и взаимоприемлемым отношениям – при минимуме осознанных внешних побуждений к этому. Таким образом, эволюция моральных норм как регулятивного механизма проходит путь от чисто эмпирической элиминации индивидуумом рискованных линий поведения (стадии "проб и ошибок") к сознанию корпоративного или общественного долга и завершается формированием внутренних запретов, не поддающихся причинному объяснению. Соответственно, характер личностного дискомфорта при нарушении законов регуляции трансформируется из простого страха перед возмездием в сознание "потери лица" и далее – в муки совести. В реальной жизни все эти стадии формирования этических норм в разной степени сосуществуют в человеке и руководят им в конкретных ситуациях вместе или порознь.

Такая последовательность событий была понята Спенсером (причем скорее логически, чем в рамках его организмического подхода). По его представлениям, политические, религиозные или общественные ограничения, создающие основы человеческого общежития, предшествуют моральным мотивам и дают начало их развитию. Последние долго сохраняют "то сознание подчиненности некоторому внешнему агенту", которое было исходно с ними соединено; и лишь постепенно это "чувство обязательности бледнеет". Предельное состояние нравственности индивидуума можно описать, поскольку мера нравственности, по Спенсеру, – это функция совершенства общественного устройства. Идеальный человек "должен быть определен... в терминах тех объективных требований, которые должны быть удовлетворены, прежде чем поведение может сделаться хорошим... Мы должны рассматривать идеального человека живущим при идеальном состоянии общества" [Спенсер, 1997, с. 433, 445].

За этой трансформацией регулятивных свойств социума в этические нормы его членов стоит закономерность более общего плана. Она хорошо знакома в эволюционной биологии как проблема "превращения внешнего во внутреннее". Впервые поставленная ламаркистами, она не получила у них приемлемого объяснения. Доминировавшая в XX в. неовеяеманистская ("синтетическая") теория эволюции вообще ее не затронула, поскольку организм как целое не относится к ее операциональным понятиям.

Но для эпигенетической теории эволюции, задача которой – именно объяснение преобразования целого, этот вопрос – ключевой. Здесь существенно следующее.

Эволюционно значимое (необратимое) изменение системы по определению связано с некоторой потерей ее устойчивости и последующей постепенной стабилизацией одного из возникающих девиантных состояний в качестве нового состояния равновесия. Для популяций организмов это изменение начинается со сдвига условий среды за пределы, допускающие саморегуляцию онтогенетического развития в направлении адаптивной нормы. В результате наблюдается увеличение частоты и разнообразия неустойчивых индивидуальных отклонений от этой нормы. Преимущественное сохранение (в ряду поколений) особей, реализующих в новых условиях наиболее жизнеспособную аберрацию, означает отбор на помехоустойчивость ее воспроизведения в потомстве. В ходе такого отбора структуры и функции организма вовлекаются во все более скоординированное изменение, которое распространяется в поколениях вплоть до уровня генома и в итоге превращает прежнюю аберрацию в новую устойчивую норму. Этот процесс назван Уоддингтоном генетической ассимиляцией [Waddington, 1957].

Экспериментальные данные позволяют проследить главные вехи такого преобразования. Будущее эволюционное новшество сперва проявляется как одна из нестойких вариаций, неадекватных спровоцировавшему их фактору среды. В последующих поколениях это новшество преобразуется отбором в адаптивную (целесообразную) модификацию нормы, реализуемую под воздействием указанного фактора, и, наконец, становится безусловной универсальной нормой, не требующей специальных внешних агентов для своего осуществления в онтогенезе. Внешний (средовой) стимул к реализации новшества в итоге замещается внутренним [Шмальгаузен, 1982; Шишкин, 1987; 1988] – феномен, именуемый в эволюционной эмбриологии автономизацией развития. Все это вполне совпадает с описанной выше последовательностью событий при становлении этических норм, средой для которых вступают преобразуемые общественные отношения. Следует должным образом оценить заключение Спенсера: "То, что теперь у самых высших натур встречается только в слабой и случайной форме, делается, как можно ожидать, при дальнейшей эволюции сильным и обыденным", и эти "качества... делаются... в конце концов присущими всем" [Спенсер, 1997, с. 444]. Как мы видим, это почти дословное описание становления новых свойств в биологической эволюции.

В обоих сравниваемых случаях путь от случайности до обыденности (и от внешне обусловленного до имманентного) есть процесс эволюционной стабилизации системы в одном из состояний, которые прежде были для нее флуктуациями. Поиск нового равновесия в изменившихся условиях происходит каждый раз методом "проб и ошибок", то есть путем последовательного отбора среди различных вариантов реализуемых отклонений. Только в случае организмов предмет отбора тиражируется в виде множества неидентичных копий, причем процесс основан на их дифференциальной жизнеспособности и продуктивности. В случае же общества предметом селекции являются последовательно реализуемые альтернативные состояния одной и той же системы, а выбор (направленный в сторону достижения наибольшего равновесия в ней) в идеале должен быть осознанным на уровне управления.

Как уже сказано, эволюционная стабилизация целого ведет к скоординированному изменению качественных характеристик его элементов. В итоге в них запечатлевается опосредованная информация о свойствах целого, обладающая большим консерватизмом. Все уровни структуры организма – хромосомный, клеточный, тканевый и т.д. – всегда видоспецифичны. Информация о целом организме, содержащаяся в его соматических клетках, нередко реализуется в естественных условиях – в случае вегетативного размножения или регенерации из изолированного участка ткани, как это бывает у многих растений и низших беспозвоночных. То же происходит и в "социальных организмах", где стандарты поведения индивидуумов отражают характер системной саморегуляции, типичный для данной организации общества. Так, в

ходе перестроечного эксперимента центральноазиатские республики бывшего СССР, освободившиеся от единого контроля, немедленно обнаружили тенденцию к самоорганизации в сторону феодальных отношений – в соответствии с исторически сложившимся менталитетом большинства их граждан. Это – закономерный процесс, никоим образом не сводимый к аппаратному прошлому конкретных руководителей. Сказанное отнюдь не значит, что выбор иного вектора общественного развития (неизбежно длительного в этом случае) не зависит от воли руководителей – но это уже особый вопрос.

Итак, повторю: *исповедуемые членами общества нравственные ценности при всех индивидуальных различиях суть порождение определенного типа регуляции общественных отношений* (который в принципе может охватывать целую последовательность исторических модификаций). Опосредованное соответствие первых и второго – необходимое условие комфортного мироощущения индивидуума. Дестабилизация общества, разрушающая это соответствие, означает нарушение естественной социальной среды обитания личности и потому является сильнейшим депрессивным фактором. В истории Рима таким критическим поворотом был переход к принципату, гротескные реалии которого болезненно контрастировали с нравственными установками республиканского общества, все еще жившими в сознании людей [Тацит, 1970]. Состояние современной России – более близкий нам пример. Специалисты, изучающие причины наблюдаемой ныне устойчивой естественной депопуляции страны, на одно из первых мест ставят утрату людьми ценностных ориентиров в существующих непредсказуемых условиях. Это еще одна аналогия с биологическим миром, где выживание организмов точно так же зависит от наличия определенных "правил игры" между ними и средой обитания. Отбор может приспособить организмы даже к крайне плохим условиям, но он бессилен там, где условия непредсказуемы, ибо для того, кто не знает, в какую гавань плыть, нет и попутного ветра [Сенка, 1977, с. 129].

Поведение преобразуемых систем в условиях дестабилизации, отчасти уже затронутое мною, заслуживает более внимательного рассмотрения. Аналогии между организмом и обществом здесь особенно наглядны и позволяют уяснить системную сущность того, что можно назвать проявлениями деградации моральных норм.

В биологической эволюции нарушение устойчивости, обусловленное пороговым изменением среды и открывающее путь для очередного шага необратимых изменений, обычно невелико по масштабу и непосредственно затрагивает лишь терминальные стадии развития организмов, воздействуя в основном на функциональные и поведенческие особенности. Однако в острых экспериментах, моделирующих этот сдвиг, используются более резкие нарушения условий развития. Онтогенетические аномалии проявляются здесь много раньше и сильнее, затрагивая уже собственно морфологическую организацию. В такой утрированной ситуации, сравнимой с революционными потрясениями в обществе, основные симптомы дестабилизации предстают гораздо яснее.

Все происходящее в данном случае можно описать как *ту или иную степень распада и размывания организационной нормы*. Возможности саморегуляции развития в экстремальных условиях уже недостаточны, чтобы обеспечить осуществление индивидуумами единого (эквивифинального) стандарта организации. Особи, реализовавшие эту норму, все более теряют численное преимущество, уступая место широкому разнообразию разнонаправленных отклонений от нее. Если в обычных условиях общее распределение частот фенотипов в популяции имеет графически вид острого пика, отображающего безусловное доминирование нормы, то в нашем случае эта картина сменяется пологой дугой, показывающей стирание частотного различия между нормой и ее абберациями. *Такое же стирание происходит и на качественном уровне*, ибо все реализуемые особи показывают более или менее ослабленную жизнеспособность при общем возрастании смертности. Эффективность и целесообразность реакций на сигналы "хорошо–плохо", регулирующих физиологию и поведение особей, существенно снижаются. Все абберации неустойчивы и малоадекват-

ны наличным условиям, то есть более или менее неадаптивны. Одни и те же их варианты могут возникать в ответ на разные внешние воздействия и наоборот. Воспроизведение их в поколениях также неустойчиво, то есть характер их наследования плохо предсказуем и зависит от случайных факторов.

Приблизительно то же наблюдается и в дестабилизированном (неэффективно регулируемом) обществе. Примером может служить нынешнее состояние нашей страны, где старая социальная система разрушена, а новой, сравнимой с ней по устойчивости, до сих пор не возникло. Чисто биологические проявления неадекватности членов социума новой реальности здесь в основном те же, что описаны выше, – рост смертности и общее снижение жизнеспособности (падение продолжительности жизни, резкое снижение доли здоровых людей среди молодежи, возвращение уже изжитых болезней и т.д.). Но социальная специфика деструкции и размывания нормы, то есть замены ее на множество нестойких и более или менее аномальных вариаций, выражается прежде всего в общественном поведении людей. Его общепринятые стандарты, сложившиеся в эпоху стабильности, вытесняются множеством девиантных форм поведения и в особенности невиданным ростом преступности, – в масштабах, угрожающих жизни общества. Это означает, что из сознания огромной массы людей нередко исчезают даже элементарные регулятивные ограничения, предшествующие моральным нормам и знакомые еще первобытному человеку. Это экстремальное состояние общественных и межличностных отношений выражается нашими согражданами словом "беспредел", которое, видимо, останется в истории ключевой характеристикой переживаемого времени.

Общий рост непредсказуемости и неадекватности поведения людей в условиях дестабилизации особенно ярко проявляется в коллективных реакциях. Очевидцы событий, происходивших на петроградских улицах с февраля 1917 г. [Бунин, 2000; Шульгин, 1927; Сорокин, 1992], единодушны в подобных оценках. В нынешних условиях поддержание порядка при массовых скоплениях людей также вырастает в проблему, неизвестную в советский период. Дестабилизация проявляется и в большинстве сфер трудовой деятельности, то есть в социальном эквиваленте поведенческой активности организмов. Здесь также отмечается снижение адекватности функций внешним требованиям, или, проще говоря, падение профессионального уровня (например, в медицине, образовании, СМИ и др.).

Все эти признаки утраты прежними параметрами общественной жизни статуса нормы, стирание границ между нормой и отклонениями от нее выливаются в моральную дезориентацию общества. Традиционные этические ценности людей входят в конфликт с новой реальностью, в рамках которой руководствоваться ими – значит заведомо проиграть. В сознании же тех, кто готов принять эту новую игру без правил, неизбежно стирается грань между дозволенным и запретным (например, известный политик-демократ убеждал всех в общественной пользе взяток).

Но для большинства людей жизнь остается невыносимой без определенных нравственных установок, независимо от того, выступают они внутренним императивом или только осознанным чувством долга. Такое положение дел есть объективная системная закономерность, отражающая тот факт, что иначе выживание общества в принципе невозможно, ибо *устойчивость (жизнеспособность) общества зиждется на его способности к саморегуляции, механизмы которой воспринимаются на уровне отдельного человека прежде всего в виде общеобязательных норм межличностных отношений*. По своему статусу и происхождению эти нормы сравнимы с любой жизненно важной функцией живого организма, вроде кровообращения, реакции на боль или способности его клеток к делению. Поэтому они неустраняемы, и снижение их роли возможно лишь на исторически краткое время, если только само общество в итоге не погибнет. Там, где эти нормы перестают находить реальную опору в окружающем мире, человек пытается найти для них виртуальную, чтобы не утратить смысл существования.

В истории такие примеры известны. Очевидно, именно по этой причине в императорском Риме, растерявшем прежние нравственные ценности, распространились религии, принесенные солдатами с Востока: культ Осириса, митраизм и, наконец, христианство, которое в итоге обрело свою силу именно как нравственное учение. Распространение философии стоицизма имело ту же причину, ибо она предлагала беззащитному перед судьбой человеку свой вариант нравственной опоры. Видимо, те же факторы лежат в основе одного из феноменов первых постперестроечных лет – появлении в России множества новых сект и вероучений, как пришедших извне (культ Кришны, японские и корейские секты и т.д.), так и местных. И хотя их внедрение было во многих случаях целенаправленным, для нас существенно то, что речь здесь идет о предложении, порожденном объективным спросом.

В повседневной жизни индивидуума это ощущение несоответствия окружающего мира нравственным нормам может притупляться подобно хронической боли, но оно нередко возвращается во всей полноте, когда что-то напоминает нам о более упорядоченном мироустройстве, пусть даже идеализируемом. Вот характерный в этом смысле документ 2003 г. – запись в книге отзывов на московской выставке фотографий начала прошлого века; речь идет о снимках с русско-японской войны, где воевал дед посетительницы, написавшей следующие строки: "Какие лица хорошие, какая жизнь – видно, что нелегкая, трудовая; но в той жизни люди – каждый на своем месте, занят разумным и важным для всех членов общества делом, а пороки (они конечно есть) не выпячиваются и не лезут во всей своей отвязанности впереди всех. Может быть не все такие уж высокодуховные, но все с неутраченным чувством достоинства, долга и стыда, если есть основания стыдиться. Спасибо за эту российскую Атлантиду, ушедшую навсегда должную жизнь".

Таким образом, в целом реакция моральных установок общества на его дестабилизацию принципиально сходна с поведением любых адаптивных признаков организма в нарушенных условиях существования. В обоих случаях устойчивая норма сменяется разнонаправленными и непредсказуемыми абберациями, отражающими снижение жизнеспособности системы. И если прежняя норма не восстанавливается в ближайших поколениях, то поиск системой нового равновесия направляется в сторону одной из этих аббераций. В биологической эволюции стабилизируемые отклонения обычно минимальны. Точно так же и в социально-нравственных преобразованиях наиболее экономичен, эффективен и безопасен эволютивный путь, исключаящий резкую смену вектора изменений и, соответственно, крупные потрясения в переходных фазах. Для фундаментальных же нравственных принципов (в силу их ключевой регулирующей роли в функционировании общества) слишком длительные потрясения несовместимы с самой возможностью выживания общества.

Если предложенное понимание нравственных норм как продуктов системной эволюции справедливо, отсюда следуют выводы в отношении путей нравственного оздоровления общества. Подобно любым эволюционным изменениям организмов, оно должно начинаться с изменения системных характеристик, то есть на уровне управления обществом как целым. Правильный выбор политических задач, основанный на анализе причин социального неблагополучия, сам по себе не создает морали, но открывает возможности для широкой активизации и развития нравственного чувства. У огромного большинства людей это чувство просыпается и становится великой созидательной силой, если оказывается востребованным. Можно вспомнить хрущевскую оттепель, которая при всей ее противоречивости пробудила в людях огромный потенциал оптимизма и веры в добро, справедливость и творческие силы здорового коллективизма. Эта эпоха оставила свои замечательные памятники – книги, кинофильмы, энтузиазм освоения целины и идеализм шестидесятников. Задача политиков в данном случае та же самая, что и при решении задач экономического оздоровления общества. Она состоит не в самом по себе подъеме экономики, а в создании социальных условий, стимулирующих и поддерживающих деятельность людей в нужном направлении.

Возрастание роли нравственного начала в отношениях людей (и образуемых ими социальных институтов) важно не только с точки зрения их психологического комфорта и гармоничности мироощущения – факторов, играющих ключевую роль в оценке человеком качества своей жизни. Общество, состоящее в своей основе из высоконравственных людей, функционирует наиболее эффективным образом, то есть является наименее энергозатратным. Чем больше отношения в нем регулируются нравственными принципами, тем меньше оно нуждается в таких дорогостоящих и малоэффективных регуляторах, как государственная бюрократия, полиция и т.д. Здесь стоит еще раз вернуться к словам Спенсера: "Как ни покажется это странно... предполагая существование идеального человечества, мы необходимо должны сделать тот вывод, что выполнение каждого отправления есть в известном смысле нравственная обязанность" [Спенсер, 1997, с. 430].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бунин И.А.* Окаянные дни. СПб., 2000.
- Гурвич А.Г.* Теория биологического поля. М., 1944.
- Ларошфуко Ф.де.* Мемуары. Максимы. Л., 1971.
- Любичев А.А.* О природе наследственных факторов // Известия Биологического научно-исследовательского института при Пермском университете. 1925. Т. 4. Прилож. 1.
- Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.
- Сорокин П.* Человек–Цивилизация–Общество. М., 1992.
- Спенсер Г.* Синтетическая философия. Киев, 1997.
- Тацит К.* Сочинения. В 2-х т. Л., 1970.
- Шишкин М.А.* Онтогенез и эволюционная теория // Эволюция и биоценотические кризисы. М., 1987.
- Шишкин М.А.* Эволюция как эпигенетический процесс // Современная палеонтология. Т. 2. М., 1988.
- Шмальгаузен И.И.* Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М., 1982.
- Шмальгаузен И.И.* Факторы эволюции. Теория стабилизирующего отбора. М., 1968.
- Шульгин В.В.* Дни. Л., 1927.
- Эшби У.Р.* Конструкция мозга. М., 1962.
- Waddington C.H.* The Strategy of the Genes: A Discussion on Some Aspects of Theoretical Biology. London, 1957.